

На правах рукописи

Б. О. ОРУЗБАЕВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Фрунзе
1952

КИРГИЗСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Б. О. ОРУЗБАЕВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Фрунзе
1952

ВВЕДЕНИЕ

В своем гениальном труде „Марксизм и вопросы языкознания“ И. В. Сталин указывает: „Грамматический строй и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“¹.

Следовательно, большое значение имеет изучение грамматического строя и основного словарного фонда каждого языка и создание глубоко и всесторонне разработанных научных грамматик.

Для этого необходимо глубокое изучение и описание грамматических фактов на основе гениальных положений И. В. Сталина.

Несомненный интерес представляет и изучение отдельных грамматических категорий, в том числе и глагола киргизского языка, о котором до сего времени имеется еще очень мало монографических работ.

В качестве объекта исследования в данной работе взяты формы прошедшего времени в киргизском языке, характеризующиеся наибольшим разнообразием своих значений.

Часть форм прошедшего времени киргизского языка является общей для ряда других тюркских языков, что доказывает их языковое родство. Другие же присущи только киргизскому языку.

Для выражения прошедшего времени в киргизском языке употребляются аффиксы „-ды“, „-ган“, „-ын+тыр“, „-чу“, каждый из которых имеет свои специфические оттенки значения. Данная работа посвящена их рассмотрению.

1. Прошедшее определённое время

Прошедшее определённое (конкретное) время образуется при помощи аффикса „-ды“ (-ди, -ду, -дү, -ты, -ти, -ту, -тү). Эта форма встречается во всех тюркских языках и описывается во всех грамматиках тюркских языков. Имеются и специальные ра-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Издательство „Правда“, 1950 г., стр. 21.

102428.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

боты, посвящённые анализу этой формы¹. А. Н. Кононов, приводя мнения О. Бётлингга, П. М. Мелиоранского, К. Броккельмана, Н. К. Дмитриева, А. П. Поцелуевского и др., рассматривает аффикс *-ды* как разновидность древней формы аффикса принадлежности 3-го л. (совр. „-сы“)² и предполагает, что аффикс „-сы“ восходит к указательному местоимению „ити (итин)—вот этот, тот, там (недалеко), вот“, сохранившемуся в якутском языке“.³)

Показатель 1 л. множественного числа „-к“ автор рассматривает в качестве форманта, выражающего принадлежность в двойственно-собирательном значении, или множественного числа в современном понимании этого термина.⁴)

В сравнении с другим показателем 1 л. мн. числа, т. е. „-мыз“, аффикс „-к“, по мнению А. Н. Кононова, является более древним.

В отличие от А. Н. Кононова, проф. Н. А. Баскаков на основе многочисленных фактов из ряда тюркских языков считает, что форма на „-ды“ является исторически причастной формой, а не именем действия,⁵) а аффиксы „-ыт“, „-ат“, „-ды“ и др. являются генетически общими, происходящими от более древней и полной формы „-дыг (ь) -диг“.⁶)

Предположения А. Н. Кононова и Н. А. Баскакова вызывают возражения: 1) соответствие *t, d, || ш, с* (как в алтайском и якутском) в тюркских языках не закономерный, а лишь частный случай; 2) в примерах, указывающих на парные части тела (типа *ай+а+к*—нога, *бил+а+к*—часть руки между локтем и пястью и др.) не ясно значение форманта „-а“, а некоторые, как *билак* (кирг. билек), не могут указывать на парность; 3) в современном киргизском языке основ глагола типа *алд, келд, бард* и др. нет. Следовательно, пока нет еще достаточного основания считать происхождение этих форм выясненным. Образование типа *алды, келди, барды* и др. осознаются только как чистые глагольные формы.

Употребление формы на „-ды“ характеризуется тем, что она выражает действие или состояние, представляющееся для говорящего определенным (конкретным, достоверным), примеры:

„*Мен өзүмдүн оюмду жазып, Лайлыкандан берип жибердим*—Я, написав свои думы, отправила (написанное) через Лайлыканд“.

¹ См. Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках, Тюркологический сборник, 1, М.—Л. 1951 г.

Баскаков Н. А. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках, Труды Московского Института Востоковедения № 6, Москва, 1951 г.

² Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках, Тюркологический сборник, № 1, стр. 115.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 115.

⁵ Баскаков Н. А. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках, Труды Института Востоковедения, № 6, стр. 213.

⁶ Там же, стр. 213.

„*Арзымат экөөбүз узак убакытка чейин сүйлөштүк*—Мы с Арзыматом разговаривали долгое время“ (К. Джантөшев, Эки жаш).

„*Кыргыз элинин адабияты жана маданияты Улуу Октябрь Социалисттик Революциясынан кийин гана дүркүрөп өстү*—Литература и культура киргизского народа бурно развивались только после Великой Октябрьской социалистической революции“.

Аффикс „-ды“ сочетается с глагольными основами во всех лицах и в обоих числах (как в положительной, так в отрицательной и вопросительной формах). Образование на „-ды“ встречается и в сложных глаголах („*келе жаттым. окуп отурдун, кете бердик*—(я) шел, (ты) сидел, читая, (мы) пошли“ и др.).

2. Прошедшее неопределённое время

Вторым показателем прошедшего времени в киргизском языке, как и в ряде других тюркских языков, является аффикс „-ган“ (-ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн), при помощи которого образуется прошедшее неопределённое время. Эта форма выражает такое действие или состояние предмета, которое имело место вообще в прошлом, например:

„*Шөмпүлдөтүп желдиртип, салт аттуу жүргүнчүлөр көрүнгөн. Анда-санда же бирден, же экиден чубаган арабалар дөңгөлөктөрүн кылдыратып, жай термелип, жолоочулар зериккен*—Раскачиваясь на рысях, виднелись верховые путники. Там-сям, скрипя колесами, тихо качались брички, ехавшие путники томилась“ (Т. Сыдыкбеков, Биздин замандын кишилери).

Если эта форма употребляется для выражения прошедшего времени, ограничиваемого конкретным отрезком времени, то она сочетается с наречиями типа *бытыр*—в прошлом году, *кузундосеню, кечээ*—вчера, *быыл*—в этом году и др. Когда действие относится к далекому прошлому, в качестве уточняющих слов выступают наречия типа *баягыда*—тогда, *илгери*—раньше, *байыркы бир заманда, нечак*—давным давно, в древние времена и др.

Например: „*Кечөө куну абышканын аңгемесин уккан бир топ жоокер жөнөп кетер алдында кемпир-чал менен атайы коштошкону келишкен*—Несколько бойцов, слушавших вчера рассказ старика, перед отправлением специально пришли проститься со стариками“ (С. Сасыкбаев, Нурлан).

„*Өткөн жылы сабатсыздар мектебинде окуганбыз*—В прошлом году (мы) учились в школе неграмотных“ (К. Джантөшев, Эки жаш).

Особый интерес представляют фонетические разновидности формы на *-ган* (*-га+мын, -га+м*) в 1-м лице единственного числа, встречающиеся только в некоторых из тюркских языков (как алтайский, киргизский). Например: „*Сен эмес, сен өңдүүнүн*

эчендерин көргөмүн—Я видел не только тебя, но и многих, тебе подобных". (К. Джантөшев, Эки жаш).

"Башканын коюн жайгам, байдын колун карагам—(Я) пас овец чужого, зависел от другого". (Т. Уметалиев, Акмат жылкычыга).

В отличие от алтайского, где употребляется сочетание *"-гам"*, в киргизском языке, наряду с такой формой, имеется и сочетание *"-гамын"*. Все эти разновидности в смысловом отношении одинаковы, но доказывают неравномерность развития этой формы в тюркских языках. Это же можно сказать и о другой форме прошедшего времени на *"-ып+тыр"* (*-ып+ыр, -ып+мын* и др.).

В западных тюркских языках (как азербайджанский, турецкий и др.) смысловым эквивалентом формы на *"-ган"* является образование на *"-мыш"*. Форма на *"-мыш"* в киргизском языке встречается только в окостеневших образованиях типа *"турмуш—жизнь"*, *"кылмыш—преступление"*, *"жазмыш—судьба* и др.

Форма на *"-ган"* в разновидности *"ан"* в западных тюркских языках употребляется только в значении причастия настоящего—прошедшего времени; Например: *"йазан-пишүүчү"*, *"гелен-приходящий"* и др.

Семантика киргизской формы на *"-ган"* гораздо шире, чем аффикс *"-ан"* в турецком, азербайджанском и некоторых других тюркских языках, ибо она употребляется как для выражения прошедшего времени, так и в причастном значении. Например: *"Келген киши"*—пришедший человек".

В тюркологической литературе формам на *"-ган"*, *"-ды"* и *"-мыш"* уделено большое внимание исследователями (П. М. Мелиоранским, Н. К. Дмитриевым, С. Е. Маловым А. К. Боровковым, А. Н. Кононовым и др.).

Но на примерах киргизского языка нет еще достаточно глубокого освещения значения этих форм ни в грамматиках, ни в специальных исследованиях.

Факты киргизского языка показывают, что форма на *"-ган"* выражает не давнопрошедшее время, как это ошибочно считают авторы школьных грамматик. Давнопрошедшее время выражается описательно, путем сочетания глаголов на *"-ган"*, *"-ды"*, *"-чу"* и др. с вспомогательными глаголами.

Форма на *"-ган"*, кроме сочетания с различными вспомогательными глаголами, сочетается с аффиксом предположения *"-дыр"* (*-ган+дыр*) и приобретает совершенно отличный от самостоятельного употребления смысловой оттенок, выражающий прошедшее предположительное время, основанное на догадке говорящего, служит для выражения действий, совершенных в прошлом, достоверность которых ставится под сомнение, или выражает личное предположение рассказчика. Например: *"Уулум ойгонгондур. Ала мойнок күчүгү менен ойногондур. Балким атагын да ойлогондур.*—Сын (мой), может быть, проснулся. Может

быть, играет (со свом) пёстрым щенком. Может быть, вспомнил и отца". (Т. Сыдыкбеков, Күтүү).

Аффикс *"-дыр"* (из *тур←турур*) сочетается не только с глагольными формами, но и с именными; например: *"Тетиги карарып көрүнгөн жайылып жүргөн малдыр*—Вон те виднеющиеся черные силуэты, может быть, есть пасущийся скот".

3. Прошедшее субъективное время

Другим показателем прошедшего времени в киргизском языке является сочетание аффиксов *"-ып"* *"-тыр"* (*-уп+тур, -уп+тур, -ип+тир*), которое употребляется для передачи прошедшего субъективного времени, имеющего, в свою очередь, ряд специфических оттенков значения, как внезапное умозаключение, историческая передача, момент следствия и момент сомнения, предположение или известие, услышанное от другого лица.¹ Например: *"Илгери биздин элдин Көк-Чунак деген айгыры карышкырдын көкжалын тиштептир*—В былые времена жеребед нашего народа, называемый Көк-Чунак, загрыз сивогривого волка". (Т. Сыдыкбеков, Өстөн боюнда). Здесь историческая передача.

"Кайсы бирөө аялдардын юбкасын, жылуу көйнөгүн кийип, жоолуктары менен башын таңып алыптыр—Некоторые из них, надев женские юбки, теплые платья, платками повязали (свои) головы". (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

"Биздин Шайырдын катарына бир карыя адам отуруп калыптыр—Оказалось, что рядом с нашим Шаиром сел один пожилой человек". (Т. Сыдыкбеков, Абысындар). Здесь—момент внезапного умозаключения.

"Болжоп жүрүп отурдук эле, дивизиянын штабынан чыгыппыз—Мы шли (не зная пути, и только) предполагая и вышли (как оказалось) к штабу дивизии". (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

"Күлүктүн чылбырын ким чечер экен-дептир—Он будто бы сказал; (а) кто (же) будет развязывать поводок скакуна?". (Т. Сыдыкбеков, Өстөн боюнда).

"Уккан кабарга караганда, төбөсүнөн крест жааганда, немецтер жем талашкан тооктой болуптур—Согласно услышанному известию, когда с неба сыпались (железные) кресты (как дождь), немцы были подобны курам, набросившимся на корм". (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө). В этих примерах—момент сомнения, предположения, передача факта, услышанного от другого лица. Разновидности этой формы в киргизском языке: 1) *-ып+тыр*, 2) *-ып+ыр* и 3) *-ып+мын* (+сын, +сыз и др.), в значении которых нет разницы. Для некоторых

¹ Также определение этой форме дано В. А. Гордлевским (Грамматика турецкого языка), Н. К. Дмитриевым в статье "К вопросу о значении османской глагольной формы на *"-мыш"*", А. Н. Кононовым в его грамматиках турецкого и узбекского языков.

тюркских языков (казахского, узбекского и др.) характерна только форма „-ып+личное окончание“ (-ып+пын, -ып+ман и др.). В них аффикс „-тыр“ (-дыр) в своем неполном составе сохранился только в 3-ем лице единственного и множественного числа. каз.: *ол ал+ып+ты-он*, оказывается, взял. узб.: *у ёз+иб+ди-он*, оказывается, писал; тогда как в уйгурском языке встречается форма типа „-ип+ту (р)+мән“, с выпадением во 2 лице мн. числа аффикса „-тур“ (*Сиз килипсиз—Вы сделали, с(и) лә(р) килип+слә—Вы сделали*). Обращение к нескольким лицам). В киргизском же языке форма „ып+тыр“ сочетается с глагольными основами, сохраняя везде аффикс предположения „-дыр (-тыр)“. Кроме того, имеется вариант с выпадением начального „т“ этого аффикса (-ып+ыр). Составным компонентом формы „ып+тыр“ является аффикс деепричастия „-ып, -ип, уп, -уп“, который встречается ещё в древних письменных памятниках в виде -ып (-ип) и -пан (-пән)¹ и аффикс „дыр“ („-тыр“).

4. Прошедшее длительное время

Форма на „-чу (-чу)“ составляет одну из специфических особенностей киргизской морфологии и выражает прошедшее длительное время с оттенком обычности. Эта форма в таком значении не характерна для других тюркских языков. Ни в печатных тюркологических работах, ни в практических грамматиках по киргизскому языку до сего времени значение этого аффикса прошедшего времени не освещалось, несмотря на его частое употребление в значении длительности, обычности действия или состояния предмета в прошлом. И. А. Батманов отнес эту форму к категории прошедшего многократного времени, а сам аффикс „-чу“ возводит к карлукскому „-гучу“, превратившемуся сначала в „-учу“, а впоследствии в „-чу“.²

Аффикс прошедшего длительного времени по своему фонетическому составу сходен с двумя вариантами именного (агентивного) аффикса „-чы“, подчиняющегося закону губного и нёбного притяжения: *мал+чы*—животновод, *эл+чи*, посол, *окуу+чу*—учащийся, *өтук+чу*—сапожник. Глагольная же форма „-чу“ негубных вариантов не имеет. Именной аффикс „-чы“ встречается во многих тюркских языках в форме „-шы“ (в казахском), „-чи“ (в узб., уйгурском), „-сы“ (в башкирском) и др. Он употребляется и в монгольском языке в форме на „-ч“ (*домч*—знахарь, *адууч*—пастух лошадей, табунщик и др.). Глагольный аф-

¹ См. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегива, С 16, 1889 г., стр. 30. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, М—Л, 1951 г., стр. 47—48; Корш Ф. Е. Происхождение формы настоящего времени в западно-тюркских языках*, Древности восточные*, т. III, вып. I. М. 1901 г., стр. 6 и др.

² См. Батманов И. А. Грамматика киргизского языка, вып. III, Фрунзе, 1940, стр. 50.

фикс „-чу“ сходен и с частицей „-чы“, выражающей побуждение, сожаление и т. д. (*берчи!—дай-ка!*, *окусамчы—ах, если бы я прочел!* *көрсөмчү—посмотреть бы мне!*). Проф. Н. К. Дмитриев предполагает, что рассматриваемый аффикс генетически связан с агентивным аффиксом „-чы“.¹) Несмотря на внешнее сходство глагольного и агентивного аффиксов „-чу“ и „-чы“ в киргизском языке, можно сделать вывод, что они имеют различное происхождение. Чтобы яснее представить себе разницу между этими двумя аффиксами, надо сказать и о том, что аффикс „-чу“ в киргизском языке сочетается с глагольной основой, например: *„Биздин кыздардан да далай кыйындар чыкчу—из наших девушек тоже выходили замечательные.* (Т. Сыдыкбеков, Абысындар.)

„Атлңдын кедейлигин билбей „сары май жеймин“ деп кыйначусуң—Не считаясь с бедностью своего отца, ты мучил (его), говоря: „Буду кушать топленое масло“. (Т. Сыдыкбеков, Тарбия).

„Эсекем жашыраак кезинде колго тийбеген азоого кошчалма уруп кармачу—Мой Эсеке в молодости ловил необъезжанного (коня), накидывая двойной аркан“. (Т. Сыдыкбеков, Тарбия).

Этот же аффикс употребляется и в сочетании „-уу+чу (-уу+чу)“ для выражения прошедшего длительного времени: *„Жусуп күн чоң шашке болгонго чейин ордуан туруучу эмес—Джусуп (обычно) не вставал с постели до полудня“.* (Т. Абдымомунов, Жүкөш).

„Үстүнө чымын консо, дирилдеген азоолорду уйрөтүүчү—(он) обучал (таких) необъезжанных (лошадей), которые дрожали, даже когда на них садилась муха“. (Т. Сыдыкбеков, Тарбия).

Часто встречается и такая форма, как „-у+чу (-у+чу)“, в том же значении: *„Айланасы мал баспаган, адам жашап турбагандай ар дайым болпоз туручу—Он казался очень пустынным, будто вокруг не ходит скот, не обитает человек“.* (Т. Сыдыкбеков, Абысындар).

„Түнкүсүн ал оюктан араң булбулдөгөн жарык шооласы көрүнүчү—Ночью из той дыры виднелся еле мерцающий свет“. (Т. Сыдыкбеков, Абысындар).

Больше того, очень часто аффикс „-уу“ или его сокращенная форма „-у“ перед „-чу“ звучит как „-ы (-и)“: *„Зымырап азыркыдай машина өтмөк тургай, таш кычыраткан араба жолунун угу жатычу—(здесь) не только не мчалась, как теперь, машина, а лежал только дорожный след скрипящей по камням телеги“.* (Т. Сыдыкбеков, Биздин замандын кишилери).

„Базарга да өзү барбай, көбүнчө абышкасын жиберичү—И на базар не хаживала сама, (а) в большинстве случаев, посыла-ла своего старика“. (Т. Сыдыкбеков, Абысындар).

„Береги чоң таштан аша коюн, ак көбүк черткен шар

¹ См. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 164.

Мамбет бала кезекте эле ошентип ташкындап агычу—Эта быстрая струя так же бурлила, пенясь и переливаясь через тот вон большой камень, как и в детстве Мамбета*. (Т. Сыдыкбеков, Күтүү).

Форма на „-чу“ в 1-лице множественного числа обычно принимает аффикс „-быз“: *Берёги маңдайды Көкөкулусун дечүбүз*—Этот склон (мы) называли Көкөкулусун*. (Т. Сыдыкбеков, Достук). Но в редких случаях аффикс „-чу“ сочетается с аффиксом „-к(чу+к)“: *Мен кичине кезде абамдар болуп жылыга жайлоого чыкчук. Көп балдар болуп чогулуп барып, карагайдан сагыз алчук*—Когда я был еще мальчиком, мы с дядей каждый год поднимались (т. е. кочевали) на джайлоу. Много детей, собравшись, идя, извлекали (брали) из елей смолу* (из разговорной речи).

„Биз жайлоого чыгып жүргөндө абам экөөбүз Каркыранын жарманкесине барчук—Мы с дядей, когда кочевали на джайлоу, ездили на Каркаринскую ярмарку*. (Тоже).¹

Эту редкую форму „-чук“, наряду с „-чу+буз“, для 1-лица множественного числа можно сопоставить с параллельными формами аффиксов „-ды“ и „-ып+тыр“ в некоторых тюркских языках (*ойнодыбыс-ойнодык*—мы играли* в алтайском языке, *„келипту(р) миз-келиптук* в уйгурском языке). Отсюда можно предположить, что в киргизском языке, очевидно, употреблялась форма „-чук“, но впоследствии она была вытеснена образованием на „-чүбүз“.

В связи с этим, нужно пересмотреть и вопрос о происхождении формы „-чу“, т. к. в карлукском аффиксе „-гучу“ окончание „-к“ отсутствует.

5. Роль вспомогательного глагола „э“ в образовании прошедшего времени

В образовании описательных форм прошедшего времени большую роль играет вспомогательный глагол „э“, который встречается во многих тюркских языках в виде *эле || эде || эди, экен, эмес, эмен* (для 1-го лица единственного числа), *эмиш, имиш*,—в киргизском языке, *еди, екен, емес*—в казахском, *эди, экен, эмес*—в узбекском, *эди, эмес, икэн*—в уйгурском, *ине, икэн*—в башкирском языке и др.

Вспомогательный глагол „э“ происходит от древнего глагола „эр—быть“,² где впоследствии конечный „р“ выпал и глагол утратил свою нормальную форму спряжения.

В настоящее время в киргизском литературном языке этот глагол встречается только в форме *эле, экен, эмес*, тогда как в

¹ Такая форма встречается (и то не повсеместно) в восточной части Иссык-Кульской области Киргизской ССР.

² См. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 194.

южных говорах характерны формы *эде*, иногда и *эди* вместе с *экен, эмес*.

В записях же В. Радлова встречаются все три варианта этого глагола.¹

В литературном языке глагол *эле* омонимичен с частицей ограничения „эле—только лишь, только что“. Например: *„Ал азыр эле ушу жерде турган*—Он только что здесь стоял“. Оба они в 3-м лице единственного и множественного числа не имеют личных окончаний. Разница между глаголом „эле“ и частицей „эле“ состоит в том, что частица ограничения сочетается с аффиксами полного типа спряжения: *мен элемин*—(это) только я, *сен элесиң*—(это) только ты, *биз элебиз*—(это) только мы и др., тогда как вспомогательный глагол сочетается с аффиксами сокращенного типа: *мен элэ+м*—я был, *сен эле+ң*—ты был, *биз эле+к*—мы были, *силер эле-ңер*—вы были и др.

При сочетании вопросительной частицы „-бы“ с глаголом „эле“ и причастной формой „экен“, эта частица вводится перед личным окончанием, с утратой „ы“: *мен б+елем?*, *сен б+экен+сиң?* и др.

Путем сочетания вспомогательного глагола „эле“, „экен“ с основными глаголами на „-ды“, „-ган“, „-чу“ образуется давнопрошедшее время с различными дополнительными оттенками значения.

При сочетании основного глагола на „-ды“ с вспомогательным *эле* образуется давнопрошедшее определенное (конкретное) время для выражения фактов, не подлежащих сомнению для говорящего. Например. *„Мен жаш баланы эмизип, үйдө отурган кезде, дыбырап күн жаап турду эле*—Когда я, кормя грудью ребенка, сидела дома, шел дождь“. (М. Токобаев, „Кызыл-Туу“ колхозунда). *„Кандын казынасын биз уурдадык элек, өзүбүз кырк ууру элек*. Ханскую казну украли мы, сами были (мы) сорок воров“. (Из фольклора).

Сочетание *эле* с основным глаголом на „-ды“ служит для выражения прошедшего предварительного:

„Ордунан козголду эле, тура албады—(он) шевельнулся с места, (и) не мог встать“. (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

„Бар кайратын салып дагы бир жулунуп көрдү эле, көзүнөн от чагылып кетти—Употребив всю силу (т. е. со всей силой), ещё раз рванулся, искры из глаз посыпались (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

Форма на *-ды* с *экен* и *эмес* не сочетается.

При сочетании глагола на „-ган“ с вспомогательными *эле, экен* выражается давнопрошедшее неопределенное время. Например: *„Бир түнү ай батып, асманда кара булуттар удургуп, сыдырым жел согуп турган эле*—Однажды ночью, когда зашла

¹ См. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, СПб, 1885, стр. 32, 53, 55, 69, 72 и др.

луна, в небе метались чёрные тучи, дул лёгкий ветерок". (С. Са-сыкбаев, Нурлан).

„Мурун аскерде—Ыраакы Кун чыгышта болгон эле—Раньше (он) был в армии на Дальнем Востоке". (К. Маликов, Жайылманын таласында).

Если с глаголом на „-ган“ сочетается *экен*, то выражается давнопрошедшее неопределенное время с оттенком сомнения у говорящего в совершившемся факте. Например:

„Илгери Жолборс-Чаар деген айгыр болгон экен—Оказывается, в старину был жеребец Жолборс-Чаар". (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

„Менин ата-энемдин оокаты жармач болгондуктан, жайлоого чыгууну мурунтадан эле билген эмес экен—Поскольку у моих родителей состояние было скудное, они с давних пор не знали, что значит кочевать на джайлоу. (К. Джантөшев, Эки жаш).

Сочетания основного глагола на „-чу“ с *эле*, *экен* выражают давнопрошедшее длительное время с различными оттенками. Например: „Сөз сурамак—ызаат, ат сурмак—сүннөт“—*деп*, *илгеркилер айтуучу эле*—Спросить слово—уважение, спросить имя—обязанность,—так говаривали прежние (люди)“ (К. Джантөшев, Каныбек).

„Эрке чоңойду, кантер экен деп шек кылучу элем—Рос (он) неженкой, что-то с ним станет, сомневался я“. (Т. Сыдыкбеков, Тарбия).

Образование на „-чу“ с „эле“ употребляется в значении „бывало“. Сочетанием глагола на „-чу“ с „экен“ передается давнопрошедшее длительное время с оттенком предположения или умозаключения, а также сведения, услышанные от других лиц, например: „Чаар айгыр өзүн өзү тозуп, карышкыр келсе чапчып таштап, ууру келсе атынан тиштеп ыргытып жиберип жүрө берчү экен—Чубарый жеребец ограждал сам себя: если приходил волк, то его бил передней ногой; если приходил вор, то, кусая зубами, сбрасывал его с лошади, так хаживал, оказывается, он“. (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

„Жолборс-Чаардын үйүрүн жылкычы кайтаруучу эмес экен—Косьяк Жолборс-Чаара табунщик, оказывается, не охранял“. (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

В южных говорах киргизского языка обнаружены случаи, когда путем сочетания образования на „-чу“ с вспомогательной формой „*бы+эде=беде*“ выражается не вопрос, а повествование. Например: „Усубакка жакшы айтчу беде, узун айтчу беде—Усубака хорошо сказывал, длинно (пространно) сказывал“ (Из записей К. К. Юдахина).

* * *

Прошедшее время в киргизском языке выражается разнообразными грамматическими формами. Некоторые из них являют-

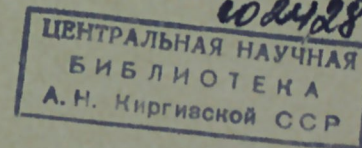
ся характерными и для других тюркских языков (-*ды*, -*ган*), однако в киргизском языке и они имеют свои специфические оттенки значения.

Сочетание аффикса „-ган“ с личными окончаниями имеют свои формальные особенности в киргизском языке (Ср: -*ганмын*, -*гамын*, -*гам*), некоторые же формы, как „-*ып+тыр*“, не характерны для ряда других тюркских языков. Этот аффикс имеет свои разновидности: „-*ып+тыр*“, „-*ып+ыр*“.

Глагольный аффикс „-чу“, в отличие от тюркских языков Средней Азии, типичен только для киргизского языка.

Давнопрошедшее время (с различными оттенками значения) в киргизском языке, как и в других тюркских языках, образуется описательно, т. е. путем сочетания основного глагола на „-*ды*“, „-*ган*“, „-*чу*“ и др. со служебными словами *эле*, *экен*.

На примерах форм прошедшего времени, с одной стороны, вскрывается языковое родство тюркских языков; с другой стороны, обнаруживается неравномерность развития этих форм в различных тюркских языках и, наконец, выявляются специфические особенности морфологии киргизского языка.

Ответ. редактор *К. К. Юдахин*

Подписано к печати 29/X—1952 г.

Д—08139.

Тир. 100.

Зак. 863

Фрунзе, Типография КиргизФАН СССР

